

УДК 94(47):327.39

СИОНИЗМ В ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИНАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XX В.: ИДЕИ И ПРАКТИКА

Норкина Е.С.

Статья посвящена проблеме практической реализации идеологии сионизма в Российской империи начала XX в. на примере еврейских (ашкеназских) общин Северного Кавказа. Успех работы сионистов в провинциальных еврейских общинах Российской империи зависел от многих факторов. Официальная риторика сионизма, выработанная на сионистских конгрессах, преломлялась, сталкивалась с некоторыми локальными ситуациями и приобретала новые смыслы, отвечающие проблемам общин в стране. В этом ключе исследование сионизма в отдельном регионе полезно для осмысления эволюции различных сторон внутренней жизни еврейского населения в Российской империи. Основными источниками, проливающими свет на возникновение и воплощение сионистского движения на Северном Кавказе и отражающими внутриобщинную жизнь, являются письма сионистов, адресованные М. Усышкину – члену исполнительного комитета Всемирной сионистской организации, ответственному за сионистскую деятельность на юге России.

Ключевые слова: сионизм, Северный Кавказ, еврейская община, культура, М. Усышкин.

ZIONISM IN JEWISH COMMUNITIES OF NORTH CAUCASUS AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: IDEAS AND PRACTICE

Norkina E.S.

The article describes practical realisation of Zionism ideology in the Russian Empire at the beginning of the 20th century by the example of Jewish (Ashkenazic) communities of North Caucasus. The success of Zionists' work in provincial Jewish communities of the Russian Empire depended on many factors. The official rhetoric

of Zionism worked out at the congresses was refracted, faced some local situations, and acquired new meanings that responded to the problems of the community in the country. In this view, the study of Zionism in a separate space is useful in various spheres of domestic life in the country of the empire. The main sources that shed light on the emergence and incarnation of the Zionist movement in North Caucasus and reflected internal communal life are letters from Zionists addressed to M. Usyshkin, a member of the executive committee of the World Zionist Organization responsible for Zionist activity in southern Russia.

Keywords: Zionism, North Caucasus, Jewish community, culture, M. Usyshkin.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФ в СПбГУ (15-18-00062).

В Центральном сионистском архиве в Иерусалиме сохранилась коллекция писем, отправленных крупному деятелю сионистского движения Менахему Усышкину с 1900 по 1903 гг. «первопроходцами» сионистской деятельности из разных городов юга Российской империи. Авторы писем, как правило, являлись организаторами сионистских кружков. Основным содержанием писем были отчеты о проводимой ими работе в рамках пропаганды сионизма в еврейских общинах. География писем охватывает даже такие населенные пункты, в которых еврейское население было малочисленным: Екатеринодар, Майкоп, Владикавказ, Новороссийск и другие города Северного Кавказа. Внутриобщинная жизнь евреев начала XX в. в таких городах все еще остается в тени в виду отсутствия источников. В этом случае обнаруженная переписка сионистов является особо ценным и фактически единственным видом источников, проливающим свет на особенности реализации сионистских идей в общинах небольших провинциальных городов за чертой оседлости в Российской империи.

Первые сионистские организации на Северном Кавказе и в других даже самых удаленных от черты еврейской оседлости регионах Российской империи

возникли вскоре после Первого конгресса сионистов в Базеле в 1897 г. Влияние движения распространилось не только на территории крупных городов внутренних губерний (Санкт-Петербург и Москва), но и на регионы с относительно незначительным еврейским населением (Урал, Сибирь, Кавказ). По сведениям полиции общее число сионистских кружков в 1899 г. составило около 2 тыс. Однако на практике интенсивное создание кружков далеко не всегда свидетельствовало об их эффективной деятельности и абсолютном успехе. Сионисты были убеждены в той потенциальной пользе, которую их идеология могла принести для развития еврейских общин. Однако, официальная риторика сионизма, выработанная на конгрессах, преломлялась, сталкивалась с некоторыми локальными ситуациями и приобретала иные, порой неожиданные смыслы, отвечающие проблемам общин регионов. В этом ключе исследование сионизма в отдельном регионе полезно для осмысления эволюции различных сторон внутренней жизни еврейского населения в Российской империи. Задачей данного исследования является анализ деятельности сионистских организаций в еврейских (ашкеназских) общинах Северного Кавказа на основании писем сионистов, адресованных М. Усышкину – члену исполнительного комитета Всемирной сионистской организации.

В фокусе внимания в представленной работе находится короткий период времени, охватывающий первые шаги деятельности сионистов, от Первого сионистского конгресса 1897 г. до 1903 г. – времени издания циркуляра, официально запретившего сионистские собрания. В этот период имперская власть только определялась со своим отношением к новой идеологии и не препятствовала появлению кружков. В представленном исследовании нас будут интересовать несколько вопросов, определяющих сионистскую деятельность. Прежде всего, почему в одних городах Северного Кавказа сионизм успел стать популярным за несколько лет, в других – так и не укрепился? Как на практике осуществлялись основные идеи и насколько они отражали концепцию уполномоченного на Кавказе М. Усышкина? Каковы общие особенности движения на Северном Кавказе?

История российского сионизма освещалась в современных статьях и монографиях. В частности, крупный труд И. Маора является довольно детальным его исследованием. Однако, сионизм в России он рассматривает с точки зрения его формирования и процесса выработки значимых решений, не затрагивая проблемы и практику реализации его идей [9]. Сионизм на Северном Кавказе, как и в других внутренних губерниях Российской империи в самые первые годы его распространения практически не исследован. Это связано, вероятно, с тем, что здесь, как и во многих других провинциальных населенных пунктах не сложилось особой еврейской культуры, подобной той, что возникла, например, в черте оседлости. В силу изолированности и отдаленности, внимание исследователей долгое время было приковано к переполненным местечкам черты, и поэтому еврейство Северного Кавказа игнорировалось. К изучению сионизма внутренних губерний современные исследователи империи обращались в связи с интересом к истории местных еврейских общин, но относительно периода 1900-1903 гг. в таких работах имеются лишь отрывочные данные о первых кружках [6, с. 216-218; 10; 13]. Вероятно, это вызвано труднодоступностью материалов, хранящихся в архивах Израиля, а доступные сводки агентов МВД, широко применяемые современными исследователями, дают лишь односторонний (внешний) взгляд. Переписка сионистов Кавказа и М. Усышкина приведена отрывочно в работе И. Давида «История евреев на Кавказе» [4], однако, цель этого труда скорее компилятивная, что проявляется в стремлении автора собрать как можно больше материалов и привести их в определенной последовательности в виде цитат, не подвергая анализу. Нами проанализированы около 60 писем сионистов, адресованных М. Усышкину с 1900 по 1903 гг.

На Первом съезде российских сионистов в Минске в 1902 г. Ахад-ха-Ам в своей речи подчеркивал важнейшее значение культуры в национальном возрождении евреев. Он отмечал, что сионистская деятельность успешна там, где занимаются культурной работой, основывают школы для детей, читальни для взрослых и т.п. И, напротив, если вся активность сионистов сводится к

продаже "шекелей" и акций и "политическим" разговорам, там, в большинстве случаев, чувствуются пустота и отсутствие живого содержания, что неминуемо ведет к «вымиранию и распаду» [9, с. 125]. Во многих общинах Восточной Сибири случилось то, чего опасался Ахад-ха-Ам: к идеям сионизма отнеслись в первые годы его распространения равнодушно, вся активность в кружках сводилась лишь к шекельным взносам [6, с. 223]. Подобные неутешительные новости время от времени сообщали М. Усышкину некоторые его подопечные – организаторы сионистских кружков Северного Кавказа на заре своей деятельности в распространении новой идеологии. М. Усышкин, присутствовавший на съезде, поддержал концепцию Ахад-ха-Ама, что впоследствии отразилось и на развитии идеологии на Северном Кавказе.

Во многих городах Российской империи успешному распространению сионизма предшествовала широкая сеть палестинофильских обществ Хиббат Цион. Они подготовили почву для восприятия евреями идей Т. Герцля. Такие общества активно действовали как в черте оседлости – в северо-западных губерниях, Бессарабии, так и за ее пределами, например, в Москве. Большое значение имела близость какого-либо центра с многочисленной еврейской интеллигенцией, например, такое влияние имела Одесса на еврейское население Бессарабии. И не менее значимым фактором была деятельность местных сильных лидеров, представителей русско-еврейской интеллигенции, воспринявших и распространявших идеи палестинофильства и впоследствии сионизма [8, с. 132-163].

Пожалуй, на территории Северного Кавказа подготовленной для сионизма почвы практически не было. Следов существования палестинофильских организаций в городах Северного Кавказа нам обнаружить не удалось, вероятно, по причине отсутствия специальной среды – русско-еврейской интеллигенции. Исключением является единичное заявление полицмейстера Екатеринодара о факте пересылки денег местным общественным деятелем города в Общество вспомоществования земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине в 1891 г. [2, Ф. 454. Оп. 2. Д. 337. Л. 10].

Вероятно, это объясняется малочисленностью еврейского населения и непривлекательностью края для представителей элитной части еврейского населения, которые могли распространять палестинофильство. В сравнении с городами других регионов империи численность еврейского населения Северного Кавказа была крайне низкой (около 1-2%). Отсутствие высших учебных заведений в начале XX в. не привлекало и еврейскую молодежь, которая приезжала в города за чертой оседлости с целью получения профессионального образования. Отчасти этим фактором, а также желанием местной власти восполнить дефицит ремесленников обусловлено преобладание в составе еврейского населения Северного Кавказа именно последней категории зачастую с низким уровнем образования и далекой от политической жизни или каких-либо идеологических течений. Кроме того, пребывание в Кубанской и Терской областях было еще больше осложнено после издания ограничительного закона 18 июня 1892 г., и многим семьям пришлось продать нажитое имущество и покинуть города, в которых они провели не один десяток лет.

Первые сионистские кружки в населенных пунктах Северного Кавказа появляются в 1900 г. Достоверно известно о существовании кружков в период с 1900 по 1903 гг. в еврейских (ашкеназских) общинах в Новороссийске, Майкопе, Темрюке, Сочи, Пятигорске, Владикавказе и о попытках их устройства в Кизляре и Грозном. В станице Баталпашинской действовал кружок сионистов горско-еврейской общины. Два кружка сионистов были устроены в станицах Родниковской и Михайловской в среде субботников. Первоначально вся основная функция кружков ограничивалась сбором шекельных взносов и денег на акции Еврейского колониального банка [12, А 24670, 24675, 24653, 24674-223, 24675-111, 24663-2.]. В целом, поскольку сионистские кружки в России существовали в основном из неимущих социальных слоев, им было трудно собрать шекельные взносы, средства на благотворительные и агитационные цели, необходимые для покупки акций Колониального банка, приобретения литературы в библиотеки [5, с. 118].

Несмотря на то, что подавляющее большинство членов кружков на Северном Кавказе составляли лица со средним и низким уровнем материального положения, большинство писем пестрят новостями об успешных денежных сборах. Часть собранных средств предназначалась для местных нужд еврейского населения и для отправки в пользу Палестинского рабочего фонда. В некоторых сионистских кружках применялся способ кружечного (ежемесячного) сбора средств на нужды местного или проезжавшего бедного еврейского населения. Такая форма благотворительности использовалась в еврейских общинах и, вероятно, была принесена в регион вместе с пришлым еврейским населением.

Письма организаторов первых кружков на Северном Кавказе пронизаны неуверенностью и обеспокоенностью по поводу отсутствия знаний о правильности организации работы и настойчивыми просьбами присылать советы, руководства и уставы других кружков как образца для подражания [12, А 25672, 24682-76]. Более того, зачастую неизвестен первоначальный источник распространения сионизма. Это свидетельствует об отсутствии какого-либо подобного опыта местных лидеров, например, в палестинофильской деятельности в прошлом. Так в коллективном письме из Новороссийска на имя Усышкина авторы именуют себя «местной молодежью», которая желает организовать сионистский кружок, но имеет об этом лишь смутное представление [12, А 24662-87]. Горские евреи Баталпашинска узнали о существовании сионизма от некоего горского еврея, который случайно услышал о нем во время пребывания в Харькове. Вероятно, и полученные знания изначально вызывали не самые отчетливые представления об идеологии. В частности, так описывали реакцию горских евреев на информацию: «... появился какой-то вождь евреев, зовущий своих братьев к возрождению на святой земле» [11, с. 25] Практически все организаторы кружков возлагают огромные надежды на проповедников – магидов, которые смогли бы приехать и заинтересовать местное еврейское население, которое, по их наблюдениям, нуждалось «в воодушевлении».

Проповедником сионизма на Северном Кавказе был назначен один из крупных лидеров движения Б.Ц. Мосинзон. Для обеспечения и организации его приезда кружки собирали средства. Авторы писем свидетельствуют о нетерпеливом ожидании приезда этого проповедника в 1902 г., с которым связывались надежды на дальнейший успех деятельности кружков. Однако вопреки ожиданиям и даже сбором денег, его приезд был отменен. Он посетил лишь Владикавказ, где его выступление было раскритиковано представителями местной интеллигенции, не разделяющими сионистской идеологии [12, А24674-150]. Председатель сионистского кружка в Темрюке упоминал факт посещения города сионистским лидером Нутисом из Керчи, который смог привлечь к движению еще несколько человек [12, А 24674]. Вероятно, этот факт может свидетельствовать о поддержании связей евреев Кубани с сионистами соседней территории. В целом местные сионистские лидеры ощущали некую заброшенность и отдаленность от «еврейского центра», вероятно, в связи с отсутствием уверенности в «правильности» своей деятельности и доступа к информации о методике работы по укреплению и распространению сионистской идеологии.

Культурная составляющая сионистских кружков на Северном Кавказе, пожалуй, отвечала стремлениям вышестоящих сионистских лидеров на этом этапе развития идеологии. Вся культурная жизнь сионистов сосредоточилась в собраниях, которые, как правило, проходили по субботам. Собрания устраивались в частных домах, квартирах или помещениях при синагогах и еврейских учебных заведениях. На собраниях члены кружков читали выдержки из русско-еврейской прессы о событиях из жизни еврейского народа в разных городах, готовили рефераты по истории евреев и о сионизме. На праздники (Пурим, Ханука, Лаг Ба Омер) посетители пели еврейские песни, участвовали в литературных вечерах, отдельно организовывались праздники для детей. Помещения, в которых проводились собрания и праздничные мероприятия, были украшены портретами Т. Герцля и сионистских лидеров, а также знаками Маген-Давида. Присутствующим раздавались национальные флаги. Имеется

лишь отрывочная информация о конкретных художественных и публицистических произведениях, которые применялись для организации праздников сионистов. В частности, в Пятигорске на Хануку в 1900 г. в частном доме был поставлен домашний спектакль «Новое гетто» по мотивам сочинения Т. Герцля. В Майкопе было устроено собрание в память Л.С. Пинскера, на котором участники читали выдержки из его произведения «Автоэмансипация» [12, А 24162]. На Хануку там же в 1900 г. пели песни «Цион, Цион», «Од ло авда тикватейну». При кружках были организованы библиотеки с книгами по истории евреев и о сионизме, осуществлялась подписка на русско-еврейские издания «Будущность», «Восход» и издания на идише (газета «Дер Йуде»).

Некоторые сионисты подчеркивали, что все проводимые ими культурные мероприятия – это исключительно их заслуга. Например, нарратив майкопских сионистов пронизан гордостью успехом и огромного впечатления, который производили праздники на посетителей. По их сведениям, подобные торжества до появления кружков не устраивались. К сожалению, проверить информацию о «затишье» местной культурной еврейской жизни невозможно, и нельзя исключить, что такой успех был лишь стремлением выглядеть успешными. Однако, следы коллективной/общинной работы на Северном Кавказе прослеживаются и до появления первых сионистских кружков: именно Майкоп был единственным городом на Кубани, где уже в 1880-х гг. были предприняты успешные попытки в организации специального русско-еврейского учебного заведения и действовал, хоть и с перерывами, молитвенный дом. Между тем, во Владикавказе в еврейской общине и до существования сионизма проводились культурные мероприятия в 1880-е гг. Так известно о существовании театрального кружка, в котором на иврите ставились драмы «Жертва Исаака» и «Мирра Эфрос», разыгрывавшиеся еврейской молодежью [7, с. 136].

Примечательно, что Майкоп выступал более успешным центром сионизма, чем, например, Екатеринодар – центр Кубанской области, где были отмечены следы деятельности палестинофилов. При этом еврейское население

Майкопа превышало численность евреев Екатеринодара в несколько раз. Еще в 1891 г. полицмейстер Екатеринодара в рапорте на имя Начальника Кубанской области отмечал факт пересылки денег (150 руб.) известным общественным деятелем и врачом И.Я. Мееровичем в пользу Общества вспомоществования евреям земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине в Одесский комитет [2, Ф. 454. Оп. 2. Д. 337. Л. 10.]. Уже в 1902 г. Меерович в письме Усышкину с сожалением сообщал, что все существование сионистского кружка свелось к уплате шекельных взносов. По его словам, «многие местные евреи уже забыли, что они евреи». В письме он также просил о помощи: в Екатеринодаре был необходим преподаватель еврейского языка [12, А.24659-145].

Одним из направлений деятельности сионистов на заре движения на Северном Кавказе стало участие в различных сторонах внутриобщинной жизни. Это соответствовало концепции текущей работы в эти годы – направить сионистское движение на организацию внутренней жизни общин и национальное образование, а не на решение вопроса о политическом статусе палестинских земель [1, с. 306]. Вероятно, в этом проявляется и влияние М. Усышкина, который разделял концепцию Ахад-ха-Ама об органической связи национального возрождения и культурной работы. Так в Майкопе сионисты участвовали в материальной поддержке русско-еврейского училища, возникшего за 15 лет до появления первых сионистских кружков [12, А 24/16/2], здание училища использовалось для организации праздников и сионистских кружков. В Грозном и Новороссийске активисты сионистского движения во главе с Л. Тейтельманом заботились о добыче средств и постройке еврейского училища [12, А 24671-269, 24671-98]. Во Владикавказе сионистские деятели всячески пытались привлечь учителя еврейского училища к кружку, но попытки заканчивались провалом [4, с. 395]. Крупнейший сионистский лидер на Кавказе, возглавлявший работу кружка в Ставрополе, Л. Миркин подчеркивал необходимость внедрения еврейского образования и создания еврейского учебного заведения ссылаясь на позицию М. Усышкина «Прежде

чем идти в Эрец Исраэль, надо иметь Ам Исраэль». На практике это выразилось в заботах Миркина об устройстве в городе Талмуд-Торы [12, А 24131-44]. В Пятигорске И. Трумпельдор с первых же связей с уполномоченным принципиально ставил вопрос об устройстве школы в городе [12, А 24/15/2-127]. В Грозном сионисты активно оказывали помощь в поиске средств на постройку новой синагоги [12, А 24671-269].

Настойчивое требование сионистских руководителей поставить во главу угла национальное воспитание широких еврейских масс, просветительскую и общую культурную работу сталкивалось с сопротивлением ортодоксальных раввинов. На Северном Кавказе это также нашло отражение. Во Владикавказе, вероятно, в первый год существования кружка сионистам удалось привлечь раввина к совместной деятельности, о чем свидетельствует упоминание его как делегата, который мог бы представлять Владикавказ на съезде сионистов Кавказа в Тифлисе. Однако ситуация изменилась, когда в 1901 г. местное еврейское сообщество ожидало приезда из Киева нового раввина Фонштейна. Как сообщал один из членов кружка, «кружок перестает существовать в связи с приездом нового раввина, который своим красноречием успел настроить общество против сионизма» [12, А 24669-62]. При этом заметна общая негативная реакция автора к раввинам, «которые под шумок сионизма обдeldывают свои делишки» [12, А 24661-309]. По мнению раввина во Владикавказе, евреи должны сохранять свою национальность, но оставаться в России, так как он верил в отмену ограничительных законов по отношению к евреям в Российской империи и выступал с антисионистской речью на заседаниях кружков [12, А 24164-395]. Юлия Нитабух, возглавлявшая некоторое время кружок, сообщала о некотором недоразумении с деньгами, собранными для марок, которые по ошибке придержали вышестоящие сионистские лидеры. Она опасалась, чтобы этот скандал не был использован новым раввином в качестве аргумента против сионизма [12, А 24674]. В Пятигорске в 1902 г. сионистам приходилось устраивать заседания кружков по

воскресеньям в частном доме, за аренду которого приходилось платить, по причине того, что раввин не пускал в синагогу [А 24669-153].

Сионисты активно добивались распространения знания еврейского языка (иврита). Это соответствовало концепции Ахад-ха-Ама, который утверждал, что именно через этот язык должно происходить усвоение культуры молодежью. На практике это выразилось в ведении курсов по изучению древнееврейского языка в русско-еврейских учебных заведениях или во время заседаний сионистских кружков. Эта идея активно внедрялась в 1902 г. сионистами в Новороссийске и Владикавказе. Как видно из писем сионистов, на собраниях, вероятно, часть посетителей говорила и читала на идише.

Красной нитью через все письма проходит обеспокоенность местных сионистских лидеров низким уровнем образования еврейского населения. Очевиден разрыв в социальном положении и культурно-образовательном уровне между лидерами и массой посетителей и членов кружков. Авторы писем называют местное еврейское население «малокультурным еврейским обществом» [12, А 24162], жалуется на отсутствие «образованных и интеллигентных людей». Один из рядовых членов кружка во Владикавказе в письме Усышкину сетует на то, что местное общество состоит лишь из торговцев и ремесленников, и «люди эти мало смыслят и мало знают» [12, А 24/661-309]. Это отразилось и на составе кружков. Большинство членов кружка были ремесленниками. Интеллигенция только значилась в списках и не посещала кружки. Именно интеллигенция раскритиковала Мосинзона во время его выступления [12, А 24105-487]. Сионистский лидер из Ставрополя Л. Миркин выразил некоторую дистанцию и высокомерие по отношению к местным евреям, называя их кавказскими: «Не знаю, знакомы ли Вы лично с кавказскими евреями,... но одно Вам должно быть знакомо – это их страшное невежество в еврейских предметах и еврейском языке» [4, с. 389]. Вполне вероятно, что в этом отражено негативное отношение к ассимиляции части еврейского общества Российской империи.

Кружки процветали, вероятно, и в результате вдохновения, исходившего от местных сионистских лидеров или активно участвовавших в их собраниях. Так, именно в Пятигорске был создан первый на Северном Кавказе сионистский кружок благодаря деятельности И. Трумпельдора, в будущем крупнейшего сионистского лидера. Он увлекся сначала идеями палестинофильства в годы студенчества, затем идеями сионизма и, в частности, трудами Т. Герцля, и кружки стали для него способом воплощения идеи. О лидере майкопских сионистов купце Моисее Табакове не известно практически ничего, кроме того, что его роль в местной экономике была довольно заметна. Он имел лесные промыслы, склад земледельческих машин и орудий. Все письма сионистов были написаны на фирменном бланке М. Табакова. Старательность, с которой он составлял справку о работе сионистских кружков, активная переписка с Усышкиным говорила о его преданности делу. Он гордился тем, что ему удалось добиться успехов даже без помощи проповедников. Табаков был избран делегатом на 5-й сионистский конгресс, что, вероятно, свидетельствует о заметном масштабе его деятельности в распространении сионизма. Вторым активным участником сионистского движения в Майкопе Танхум Эльфанд был членом духовного правления еврейского молитвенного дома и задолго до появления кружка принимал деятельно участие в открытии русско-еврейского училища [2, Ф. 470. Оп. 2. Д. 1321. Л. 1]. Кружок в Грозном находился в плачевном состоянии пока деятельность возглавлял старик Аким Исакович, по свидетельству Л. Штрейхера, не вполне здоровый психически. Он в одиночку собирал шекельные взносы, средства на библиотеку. Собрания сионистов устраивать ему не удавалось, однако о собраниях и выборах как о состоявшихся он сообщал Усышкину. Практически всех сионистских лидеров Северного Кавказа объединяет факт из биографии – местное происхождение или довольно продолжительное пребывание в регионе, а так же активное участие в жизни местных общин до проникновения сионистских идей. Наиболее заметные сионистские лидеры на Северном Кавказе оказывались связанными родственными узами или поддерживали

деловые связи. Так товарищ уполномоченного из Тифлиса Л. Штрейхер был близким родственником Юлии Нитабух, возглавлявшей кружок во Владикавказе, и одного из сионистских лидеров в Грозном. Сионисты Грозного обращались за помощью к сионистам Владикавказа во время сбора средств на постройку новой синагоги. Лидер ставропольской сионистской организации Л. Миркин настаивал на поддержании связей между сионистами разных городов Кавказа, о чем настоятельно писал Усышкину неоднократно.

Сионистские лидеры практически не разделяли понятия *сионист* и *еврей*, иными словами, сионизм – идеология для евреев. Так сионисты Сочи отмечали: «Сион для нас, т.е. для всех евреев есть святость и необходимость и мы будем делиться тем, что есть» [12, А 24682-76]. В письмах постоянно поддерживается идея единения всего еврейского народа. Примечательна и саморепрезентация авторов письма – выражение представлений о еврейском народе. Евреи представлены как «народ страдающий» и несчастный, «каждый еврей даст самое большее что есть». Пятигорские евреи неожиданно отмечали: «мы евреи любим все делать, чтобы тут же получать за это плату» [12, А 24680-111].

Практическая сторона сионистской идеологии, касающаяся освоения Палестины, здесь была отражена лишь в двух письмах, адресованных М. Усышкину. Один из сионистов Владикавказа, З. Винницкий, отставной военный, принимавший активное участие в жизни общины города много лет, в письме выразил свое настойчивое желание перебраться в Палестину [12, А 24654-81]. В Пятигорске один из сионистов видел воплощение идеологии именно в заселении Палестины, призывая более активно действовать местных лидеров. «Сионизм продвигается так медленно!.. Мы должны принять меры и еврейский народ должен напрячь все свои силы. Надо собрать экстренный съезд Большого Исполнительного комитета, там выяснить точную сумму для приобретения Палестины. Распределить эту сумму между разными странами» [12, А 24679-16]. Можно предположить, что на эти взгляды мог повлиять сам М. Усышкин. Он придерживался довольно широкой системы взглядов: кроме

поддержки концепции Ахад–ха-Ама, он принимал путь с упором на практическую работу по заселению Палестины [9, с. 45].

Интенсивное создание кружков не всегда свидетельствовало об их эффективной деятельности. Зачастую в одном и том же кружке сионисты ощущали периоды расцвета и упадка. Он выражался в равнодушии местного населения к сионистским идеям, нежелании посещать кружки и встречаться друг с другом в свободное время, в апатии. Высказывались опасения по поводу окончательного распада кружков. Критериями успешности кружков, по мнению самих сионистов, являлась их популярность среди местного населения, что выражалось в высоких численных показателях посетителей заседаний и праздников, а также значимые размеры шекельных сборов и покупка акций. Сам М. Усышкин в циркуляре к сионистам Кавказа настойчиво просил сделать акцент на повышении результатов в шекельных сборах. Из его данных видно, что наиболее успешными на Северном Кавказе, справившимися с планом были Майкоп и Новороссийск. Примечательно, что ни один северокавказский сионистский центр не отправлял делегата на Съезд сионистов в Минске в 1902 г. [12, А24679-23], функции представительства были переданы ростовским делегатам или делегатам из Тифлиса.

В 1903 г. в России был издан антисионистский циркуляр, однако это не парализовало деятельность сионистов. В дальнейшем, вероятно, кружки продолжили существование с перерывами и переменным успехом. Об этом свидетельствуют донесения агентов Департамента полиции МВД. Агенты сообщали о сионистских деятелях в Майкопе в 1912 г. [3, Ф. 102. Оп. 44. Ч. 36. Литера Б], о собраниях в синагоге Владикавказа и продолжающихся там шекельных сборах [3, Ф. 102. Оп. 44. Ч. 78. Литера Б]. Русско-еврейское периодическое издание «Рассвет» публиковало заметки о собраниях кружков в 1912 -1916 гг. во Владикавказе, Грозном, Ставрополе.

Все происходившее в сионистском движении в России находило отражение на Северном Кавказе. Вероятно, сионистам удалось на некоторое время оживить внутриобщинную жизнь даже в небольших городах с

малочисленным еврейским населением, что проявилось в культурных мероприятиях в кружках и поддержке образования, а также помощи в решении проблем в жизни синагог. Участники сионистского движения не были заинтересованы (за несколькими исключениями) лично в переезде в Палестину. Идея сионизма имела для них скорее функцию единения местного еврейства и регионального, а также была направлена на установление связей с еврейством мировым. На заре сионистского движения на Северном Кавказе было ярко видно, что политическая жизнь выступала консолидирующим началом для еврейского населения, географически и тем самым культурно отдаленного от «еврейских» центров. Культурная и практическая работа и ее формы на Северном Кавказе мало отличались от тех, которые существовали в первые годы распространения сионизма в России – изучение иврита, проведение лотерей для сбора шекелей.

Список литературы:

1. Гольдштейн Й. Развитие сионистского движения в России в 1881-1917 гг. // История еврейского народа в России. Т. 2: От разделов Польши до падения Российской империи. М.: Мосты культуры – Гешарим, 2012. С. 289-319.
2. Государственный Архив Краснодарского края.
3. Государственный архив Российской Федерации.
4. Давид И. История евреев на Кавказе. Тель-Авив: Кавкасион, Т. 2. 1990. 700 с.
5. Жигня К. Кишинев – один из центров формирования сионистского движения в России (1897-1905) // Российский сионизм: история и культура. М.: Дом еврейской книги, 2002. С. 111-131.
6. Кальмина Л. В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.) Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2003. 422 с.
7. Канукова З.В. Старый Владикавказ: историко-этнологическое исследование. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, 2008. 284 с.

8. Клемперт А. Палестинофильство и сионизм в дореволюционной Москве. Российский сионизм: история и культура. М.: Издательство еврейской книги, 2002. С. 132-163.

9. Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим: Библиотека Алия, 1977. 457 с.

10. Пулькин М.В. Провинциальные еврейские общины в XIX – начале XX вв.: иудаизм как оплот идентичности [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2018. № 1. URL: <http://st-hum.ru/node/626> (дата обращения: 12.12.2018).

11. Рассвет. 1908. № 25.

12. Центральный Сионистский Архив.

13. Шкурко Э. Сионисты в Уфе. Материалы XX ежегодной Международной конференции по иудаике. Т. II. Научные труды по иудаике. М., 2013. С. 284-290.

Сведения об авторе:

Норкина Екатерина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Data about the author:

Norkina Ekaterina Sergeevna – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of Jewish Culture Department, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: Norichmail@yandex.ru.